

УДК 165.12:004.8
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>
EDN: PRSHFO

Поступила: 01.08.2024
Принята: 04.09.2024
Опубликована: 03.10.2024

СОБЫТИЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СТАТУС ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА

Дурнев Алексей Дмитриевич

Национальный исследовательский университет ИТМО (Санкт-Петербург)

Основной целью статьи является ответ на вопрос, как можно подходить к определению действующего лица в современных реалиях, интерпретируемых как цифровая эпоха. Дается краткая характеристика цифрового, новейших цифровых технологий, характеризующихся использованием нейросетевых подходов в своем основании. Приводится критический обзор существующих подходов к определению статуса действующего лица в контексте социальных исследований техники. В ходе обзора показано, что основные существующие подходы главным образом сохраняют черты антропоцентрических и инструментальных принципов рассмотрения технологий. Однако такие подходы приводят к дихотомии человека и техники, что не вполне отвечает вызовам актуальных социальных и технических реалий, характеризующихся плотной встраиваемостью технологий в сферу человеческого бытия. Все это приводит к трудностям различения человеческого и технического вклада относительно конкретного результата. В свете данного тезиса предложена критика таких понятий, как актер, агент и субъект. В результате, с точки зрения практической деятельности и фундирующих ее современных реалий целесообразнее рассматривать человека и технологию как единое действующее лицо. В данной перспективе прочерчена связь с событийной онтологией, поскольку феноменально наблюдаемый результат деятельности может быть интерпретирован как событие, в котором квазисубъект конституируется в первую очередь положением наличного сущего, и границы действующего лица оказываются размыты. В статье предложена критика различных подходов к определению агентности и субъектности именно с позиций указанных оснований и намечены векторы развития темы.

Ключевые слова: технологии, искусственный интеллект, нейросети, субъект, агент, действующее лицо, событие, событийная онтология, практики.

Для цитирования:

Дурнев А.Д. Событие в цифровую эпоху: статус действующего лица // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 328–339. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>. EDN: PRSHFO

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>

Received: 01.08.2024
Accepted: 04.09.2024
Published: 03.10.2024

AN EVENT IN THE DIGITAL AGE: THE STATUS OF THE ACTOR

Aleksei D. Durnev

ITMO University (Saint Petersburg)

The main objective of the article is to address the question of how to approach defining an actor in the modern context, interpreted as the digital age. The article provides a brief overview of the concept «digital» and the latest digital technologies characterized by the use of neural network approaches. The work

presents a critical review of existing approaches to defining the status of an actor in the context of social studies of technology. The review shows that the main existing approaches largely retain features of anthropocentric and instrumental principles of considering technologies. However, such approaches lead to a dichotomy between humans and technology, which does not fully in accord with the challenges of contemporary social and technical realities, characterized by a deep integration of technologies into the sphere of human existence. All this leads to difficulties in distinguishing between human and technical contributions to a specific outcome. In light of this thesis, a critique of concepts such as actor, agent, and subject is proposed in the article. As a result, from the perspective of practical activity and the underlying modern realities, it is more appropriate to consider humans and technology as a hybrid actor. In this perspective, the approach is linked to event ontology, as the phenomenally observed outcome of an activity can be interpreted as an event in which a quasi-subject is constituted primarily by the configuration of Dasein, and actors become indiscernible. The article proposes a critique of various approaches to defining agency and subjectivity specifically from the positions of these foundations and outlines vectors for the development of the topic.

Keywords: technology, artificial intelligence, neural networks, subject, agent, actor, event, event ontology, practices.

To cite:

Durnev A.D. [An event in the digital age: the status of the actor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 3, pp. 328–339 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-328-339>. EDN: PRSHFO

Введение: цифровая эпоха и нейросетевые технологии

Процесс цифровизации является одним из характерных признаков современной эпохи. Существует множество дискуссий относительно того, что такое цифровизация. Эти дискуссии зачастую носят междисциплинарный характер, поскольку определение цифровизации из одной области не способно концептуально отразить комплексность данного процесса. Ключевым моментом для данной работы является то, что цифровизация буквально — это перевод всевозможных объектов из одного состояния (условно – аналогового) в другое (цифровое) [Латур Б., 2017, с. 106; Burgess H.J., 2011]. Таким образом, цифровизация — это трансформация. Констатируя, что современная эпоха является цифровой, можно утверждать, что подобная трансформация является существенной характеристикой современности. Цифровая эпоха подразумевает, что эта периодически воспроизводящаяся трансформация затрагивает ключевые аспекты человеческого бытия, проявляясь в самой различной деятельности, среди которой, например, досуг и работа, чтение и письмо, всевозможные коммуникации и проч. В онтологической перспективе данные проявления могут быть воспринимаемы и трактуемы

как события, организующие человеческую жизнь. В таком случае, феномены-события как человеческого бытия, так и бытия вообще оказываются неизбежно связаны с процессом цифровизации. В данной статье производится акцент именно на сфере человеческого бытия, поскольку последующая проблематизация предполагает постановку под вопрос того, кто является действующим лицом.

Взросшее технологическое разнообразие, а также доступность этого разнообразия в виде всевозможных девайсов и сервисов — ключевая причина, позволяющая говорить о современной эпохе как цифровой. Помимо ставших уже привычными сетевых и облачных технологий (т.е., использующих интернет), за последние несколько лет повсеместное применение начали находить нейросетевые технологии. В медийном и академическом (в том числе философском) дискурсе широко представлены дискуссии, включающие концепции нейросетей, языковых моделей, цифровых помощников и им подобные. Самые разные дисциплины пытаются маркировать обозначенный ворох технологий под «зонтичные» понятия, такие как ИИ (системы искусственного интеллекта), ML (machine-learning, машинное обучение), КИТ/КИС (когнитивные информационные технологии или системы) и прочие [Буханов-

ский А.В., 2019, с. 106–107]. Это, выражаясь в терминах разработки, так называемая *middle-wage* классификация (срединная), представляющая собой ансамбль библиотек, отвечающих за отдельные функции. С позиции более высокоуровневых классификаций, на уровне готовых решений пользователя это могут быть преобразователи различных способов представления друг в друга (текста в видео, аудио, изображения, код и наоборот). Возможны и низкоуровневые классификации, для разработчиков, например, генеративно-состязательные (GAN), сверточные (CNN), рекуррентные и иные сети. Представленные категории не являются исчерпывающими, т.к. классификация данных технологий может служить темой для отдельного исследования. Однако они способны продемонстрировать, что довольно сложно свести эти разношерстные технологии под один знаменатель. И сам этот знаменатель во-многом зависит от той или иной задачи, ее уровня (пользовательский, программный, инженерный), контекста. Поскольку в данной статье задача об уточнении статуса действующего лица в цифровую эпоху носит онтологический характер, достаточно указать, что мы имеем в виду широкий спектр цифровых технологий, встраивающихся в повседневность человека, будь то разработчик или рядовой пользователь. Однако при этом акцент осуществляется именно на нейросетевых технологиях как наиболее проблематизирующих текущий исследовательский вопрос.

Итак, нейросетевые технологии являются, пожалуй, ключевой причиной вернуться к вопросу о статусе действующего лица, поскольку они берут на себя такие креативные функции, которые раньше считались прерогативой человека. Уже сейчас такие функции, как генерация текста, аудио, изображений, могут показаться тривиальностью. Однако именно нейросетевые технологии позволяют реализовывать это на таком качественном уровне, который побуждает говорить не только и не столько о механистической (инструментальной) функциональности, сколько о способности стать соучастником в генерации образов и смыслов [Floridi L., 2023]. Одним из социально значимых эффектов данного аспекта цифровизации являются различные инициативы по регулированию сферы разработки и применения нейросетевых технологий в области права и политики. Однако без

осмысления оснований функционирования данных технологий адекватность формулировки и применения данных инициатив может оказаться под вопросом, причем основания функционирования не могут пониматься лишь технически, поскольку в этом случае существует риск пренебрежения социально-антропологической перспективой области регулирования, т.е. исключением человека из этих оснований. Иными словами, всевозможные эффекты, события, феномены, которые могут стать объектом рассмотрения, изучения, правоприменения, в основания своего функционирования включают не только специфику самой технологии, но и практики взаимодействия с ней. Данный аспект особенно выделяется, когда речь заходит о нейросетевых технологиях, поскольку результат их применения может восприниматься не только как цифровой след или артефакт (будь то звук, изображение или текст), но и как целостное произведение, обладающее смысловой и образной составляющей. В этой связи и возникает вопрос о статусе действующего лица: является ли им человек или же сама технология, или возможен иной подход?

Стратегии присваивания статуса действующему лицу

В данной работе в качестве базового метапонятия берется «действующее лицо», поскольку оно представляется как наиболее нейтральное по отношению к сложившимся в соответствии с различными интеллектуальными традициями смыслами. Однако постановка вопроса о статусе действующего лица неизбежно предполагает проблематизацию более предметных понятий. В философских дискуссиях относительно ИИ (так мы иногда будем, следуя общему тренду, обозначать высокоуровневые нейросетевые технологии) зачастую ставится вопрос о том, можно ли считать ИИ-актора (деятеля) субъектом или агентом [Müller V.C., 2024, p. 17; Butlin P. et al., 2023]. Первое — субъект — сразу же задействует наследие метафизики: огромный пласт не проясненных до конца вопросов. Второе понятие, агент, введено в широкий научный обиход междисциплинарными исследованиями в области науки и техники, и наиболее тесным образом связано с рассматриваемой в данной статье областью цифрового. Детальные комментарии по поводу этих понятий бу-

дут изложены в следующей части статьи, а пока мы сконцентрируемся на широком контексте и общеполитических тенденциях использования данных понятий.

Формально-методологическая сторона вопроса связана с маркированием действующего лица в той или иной наличной ситуации (событии). Ситуация может быть обусловлена оптикой, т.е. позицией рассмотрения, которая, в свою очередь, диктуется теоретической или, если угодно, дисциплинарной областью этой теории. Например, субъект в праве отличается от субъекта кантовской философии, и в зависимости от того, из какого поля осуществляется подход, следует подобрать к действующему лицу ту или иную рамку. Это можно описать как дискурсивную практику, призванную маркировать новый для нас объект, что позволяет, с одной стороны, отличить его от иных объектов, с другой — потенциально объединить по ключевым характеристикам с уже присутствующими в нашем предыдущем поле объектами.

Стратегии применения данных терминов заключаются в следующем. Маркирование чего-то в качестве субъекта или агента подразумевает обладание существенными характеристиками. Наиболее часто используемыми для субъектно-агентной дистинкции характеристики являются в зависимости от традиции: сознание (у аналитиков), воля (философия жизни), интенциональность у феноменологов, автономность и реляции (у сетевых теоретиков). Можно вспомнить даже средневековый принцип индивидуации, который был призван дать понимание того, как вещи вообще могут являться различными. Однако что общего у субъектно-агентной дистинкции, так это маркировать некую индивидуальную сущность, например, человека или девайс. Назвать ИИ субъектом или агентом — означает придать ему характер тождества с другими феноменами, маркируемыми тем же термином. Очень часто (в заданном проблемном поле) под такие феномены попадает и сам человек, из-за чего возникают коллизии и критика, сущность которых заключается в *quid juris* подобного обобщения. Как будет показано далее, с усложнением технологий, развитием цифровой сферы и практик обращения к ней указание на отдельные сущности оказывается все более затрудненным, сменяясь

лейбнизианским принципом неразличимости [Antomarini B., 2024, p. 31–34].

Итак, классический сценарий подхода к определению действующего лица следующий. Индивидуальной или автономной сущности приписывается определенный статус, например, статус субъекта. Если этот статус не подходит, осуществляется подбор других определений этого статуса, например, агент или актер. Понятие актера выступает синонимичным «действующему лицу», поскольку актер — буквально — некто или нечто действующее. Понятие агента вытесняет во многих гуманитарных науках понятие субъекта, поскольку последнее ассоциируется с очень сильной традицией, отсылающей к кантовско-картезианскому концепту *cogito*, и ранее — через средневековых схоластов к Аристотелю и его *ὄλοκεῖμενον* [Хайдеггер М., 1993, с. 48; Черняков А.Г., 2001, с. 300]. Таким образом, стремление оставить в стороне понятие «субъекта», когда речь заходит о технологиях ИИ, можно интерпретировать как попытку избежать лишних коннотаций предшествующих традиций, экстенсивно использующих данный термин и связывающих его с иными характеристиками (например, свобода воли у Кьеркегора и Шопенгауэра, кантовские схемы мышления, феноменологическая интенциональность), которые оказываются далеко не всегда уместны в дискурсе ИИ.

Краткий очерк критики субъективности заключается в следующем. Феноменология Гуссерля утверждает важность наличия интенциональности для определения субъекта [Комаров С.В., 2007, с. 487]. В некотором смысле интенциональность как связность субъекта и объекта обеспечивает дистинкцию самого субъекта. Французские продолжатели онтофеноменологической традиции (М. Мерло-Понти, Э. Левинас) говорят о необходимости учета в качестве одного из условий определения субъекта личностного опыта, который конституируется через Другого и Мир [Мерло-Понти М., 1999, с. 84–98]. Хайдеггер говорит о чем-то подобном, поскольку *Dasein* не конституируется лишь собственным вопрошанием, оно неизбежно оказывается связано с наличным бытием, которое можно охарактеризовать как некоторую ситуацию или событие [Хайдеггер М., 1993]. Постструктуралистское течение (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида) указывает, что субъект

оказывается рассеян по дискурсивным полям и различным практикам [Фуко М., 1994, с. 403–404]. Эти практики включают различные аспекты социального, например, коммуникацию, экономику, биологию, и подвержены отношениям власти, что позже развивает в своих трудах Д. Агамбен [Агамбен Д., 2014, с. 87–90]. Суммируя критический очерк, можно заключить, что в попытках переопределения или даже преодоления классического понятия субъекта в XX в. наблюдается тенденция учесть факторы, находящиеся как бы «по ту сторону» самости. Особую актуальность и усложнение интерпретаций подобные подходы приобретают при рассмотрении комплексных технических систем, таких как большие языковые модели [Vnitskikh A.Yu., Komarov S.V., 2024]. Эти факторы обусловлены сложностью мира и многообразием практик, в которые субъект с этим миром вступает. Таким образом, классический субъект оказывается овнешвлен [Комаров С.В., 2007, с. 14].

В результате философской критики субъекта в XX в. складывается такая ситуация, что в пору каждый раз писать о понятии субъекта* («со звездочкой»), указывая, на какую матрицу характеристик мы каждый раз ссылаемся. Кроме того, полученные определения субъекта* довольно разноплановые, и все они отличаются от классического понятия нововременного субъекта в той степени, в которой они критикуют его.

В свете вышесказанного понятие «агент» можно рассматривать как одну из попыток уйти от понятия субъекта. Хотя само именование термина изменено, как кажется, новый смысл не оказывается достаточно радикальным, если сопоставить его, например, с понятием субъекта у Фуко. Однако существует определенное преимущество стратегии смены самого названия понятия: оно оказывается более нейтральным ввиду отсутствия столь большого, как у понятия «субъект», количества смысловых наслоений различных философских традиций. Более того, понятие «агент» развивается во многом в связи с междисциплинарной сферой, очень часто используется в Science and Technology Studies (STS), социологии и антропологии науки. Последнее как бы заведомо обеспечивает учет специфики различных предметных областей, где понятие «агент» может быть задействовано далее.

Специфические характеристики агентности можно суммировать следующим образом. Агентность связана со структурами или сетями, нося таким образом реляционный характер. Агенты служат источниками или медиаторами действий и смыслов, они формируют сеть, в то время как сеть формирует агентов. Бруно Латур докручивает радикальность понятия агента, которая, казалось, назревала давно: в своих работах он говорит, что актерами (действующими лицами) с некоторыми оговорками могут выступать как человеческие, так и нечеловеческие агенты [Callon M., Latour B., 1992, p. 355–356]. При этом критика Латура утверждает, что речь не может идти о полном уравнивании в статусе, но с нечеловеческими агентами тоже «необходимо считаться» [Ерофеева М.А., 2015, с. 49].

С критикой агентности наблюдается любопытная ситуация. Она, строго говоря, является скорее не критикой, а попытками увязки данного понятия с другими, которые возникают в различных предметных полях. Необходимость этой увязки диктуется тем, что, в целом, агент — весьма формальное понятие, характеризующееся во многом внешними признаками, относящимися к реляционным категориям: автономность, каузальность, действие. Это особо контрастирует с практикой употребления понятия субъекта, который в философии все еще оказывается достаточно тесно переплетен с «внутренними понятиями», такими как сознание и самосознание, восприятие [Butlin P. et al., 2023].

Среди примеров вышесказанного можно выделить попытки увязки агентности с такими понятиями, как интенциональность, автономность, ответственность. Например, все ли агенты могут/должны нести ответственность? Определяется ли агентность через интенциональность или же автономность? Как возможна автономность, если агент неизбежно вовлечен в сети многомерных отношений? У всех ли агентов одной сети одинаковая степень автономности? Данные вопросы только заостряются, если поднимаются в предметных областях, наиболее тесно занимающихся взаимодействием человека и технологий, которые наиболее характерны для цифровой эпохи и нейросетей. Это такие области, как Digital Humanities (DH), Science and Technology Studies (STS), Human-Computer Interaction (HCI). Оказалось, что понятие «агентность» уже достаточно устарело и не соответ-

ствуется актуальным практическим вызовом, потому вызывает коллизии, являющиеся одной из причин указанных выше вопросов [Dignum V., Dignum F., 2020]. Вместе с тем оно достаточно гибкое, чтобы изменяться под определенные теоретические рамки, в отличие от понятия «субъект».

Агентность и субъектность в событийной перспективе

Что самое ценное в понятии агентности, так это его необходимая взаимосвязь со структурой или сетью. Этот момент — то, что сближает агентность с попытками переформулирования субъективности в XX в. такими философскими течениями, как постструктурализм и фундаментальная онтология. Сеть обеспечивает своеобразную игру тождества и иного. Агенты отличны друг от друга (точнее сказать, индивидуализированы), но сеть являет собой общность агентов и их связей.

Цифровые объекты расплывчаты и многогранны по своей природе, они могут быть интерпретированы самыми различными способами. С учетом этого в рамках данной статьи в качестве возможной интерпретации предлагается концептуализация цифровых объектов как событий, тем более что для этого существует подготовленная почва. В статье «Зимбабвийский втулочный насос» Мол и де Лаэт развивают понятие агентности, а также акторно-сетевую теорию Латура, ссылаясь на работу Гомарт и Геннион. Исследуя сложный феномен привязанности, последние также критикуют и комментируют указанную теоретическую рамку. Забегая вперед, с онтологической точки зрения, когда речь заходит о непостоянных и изменяющихся сущностях, то социальным наукам проще говорить прежде всего о событиях, нежели об акторах и действиях.

В своем исследовании Гомарт и Геннион критикуют подходы АСТ и теории действий, которые часто применяются в STS. Они отмечают, что концентрация подхода на действиях (актах) приводит к теоретической «осцилляции» [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 225] между принципами холизма и методологического индивидуализма. Противоречие может быть сформулировано в вопросе, периодически возникающем при использовании сетевых подходов: являются ли источниками действия структура

(сеть) или индивидуальные агенты? Кроме того, выбор в качестве объекта изучения агентов, структуры и/или действий упускает некоторую часть потенциально возможных объектов, которые «просто случаются» [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 226]. Именно о таких объектах авторы и предлагают говорить в терминах события. В качестве примеров таких событий Гомарт и Геннион приводят сложные, трудно контролируемые процессы, рамки которых также размыты, например, получение удовольствия, бытие искусства, социальные изменения.

Вышесказанное предполагает, что событием может быть не только нечто, что исполняется (авторы используют синонимичный глагол «действие», «act», пассивный залог, говоря «performed», что подразумевает исполнителя). Событие же прибывает или возникает («arrives» или «emerges») [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 226], т.е., даже если можно выделить предпосылки, сложно указать на его единый источник, катализатор, причину. Предпосылки же авторы называют термином *dispositif* (буквально — диспозитив, обстоятельства), вдохновленным французской семиотикой, указывая, что это «то, что позволяет случиться» [Gomart E., Hennion A., 1999, p. 226]. Акторы являются частью диспозитива, который по отношению к событиям играет роль медиатора. При этом медиация предполагает не только и не столько воспроизводство действия, сколько его трансформацию.

Важный комментарий по расширенному применению АСТ в статье «Зимбабвийский втулочный насос» дают Марианна де Лаэт и Аннмари Мол. В контексте философии техники их исследование можно назвать анти-эссенциалистским. Многие исследования техники исходили из того, что существует особая «природа технических объектов» [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 175], которая обуславливает их функционирование и влияние на социум. Де Лаэт и Мол же говорят о текучести по крайней мере некоторых технических объектов как о встроеной характеристике [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 173]. Текучесть означает неопределенность границ самого объекта, его режима функционирования, соотношения с другими элементами системы (например, создателем, пользователями). Неопределенность в аспектах природы и функционирования объекта

подразумевает его вплетенность во множество различных миров, что влечет за собой разные интерпретации: «Насос — это механический объект, гидравлическая система, но также и устанавливаемое общиной устройство, фактор здоровья и аппарат строительства нации. Ему принадлежат все эти идентичности — и у каждой свои границы. Когда мы так пишем о втулочном насосе, мы не используем скучную метафору маленького технологического артефакта, окруженного большими социальными средами, по отношению к которым он неизбежно остается чужим» [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 220].

Итак, де Лаэт и Мол описывают механику текучей технологии, т.е. такой, чьи границы, строго говоря, не определены, поскольку они не сводятся в онтологическом смысле к темпоральности и пространственности конкретного механизма. При этом они ссылаются на статью Гомарт и Геннион в части интерпретации агентности [Лаэт М. де, Мол А., 2017, с. 174]. Однако, что еще важнее, такое развитие идей в концепцию «текучей» технологии намного проще понять, если учесть предпосылки, эксплицированные выше из статьи про привязанности. В самом деле, текучесть и встраиваемость, а также агентность некоторых акторов (например, самого насоса или его создателя), обусловлены той же неопределенностью, которая выявляется в статье, посвященной социологии привязанности, когда речь заходит о сложных объектах, не являющихся акторами или действиями. Так, влияние насоса на сообщество сложно описать как простое действие (даже когда мы принимаем тезис о том, что насос является нечеловеческим агентом), поскольку это влияние может носить отложенный характер, и хотя в конкретных событиях оно кажется очевидным, все же его трудно операционализировать или измерить. По аналогии можно заключить, что если Гомарт и Геннион в своей работе выступают против осцилляции между значимостью актора и структуры в качестве источника действия, то де Лаэт и Мол выступают против осцилляции между человеческим и нечеловеческим. Осцилляция в физике, если разворачивать метафору крупными мазками, описывается как колебание вокруг точки равновесия. В качестве такой точки можно предложить интерпретировать как распределенного агента, а поле, генерируемое осцилляцией, обозначить как собы-

тийное. При таком подходе реализуется возможность схватить всю ситуацию полнее, и затем уже выделять ее диспозитивы. Здесь оказывается важна интерпретативная работа. На это обратил внимание еще Гидденс, один из отцов теории агентности в социологии. Его интересовало, как пространственно-временные отношения, эксплицируемые из философии Хайдеггера, могут функционировать вкупе с теорией структурирования социальной реальности. Поэтому Гидденс подчеркивал особую важность герменевтики [Giddens A., 1993, p. 57–60], ведь в таком случае роль интерпретации из-за увеличения важности смыслового, а не только формально-каузального подхода, возрастает.

Конечно, упомянутое понятие события, о котором пишут еще Гомарт и Геннион, не продиктовано событийно-онтологическим дискурсом. Указанные положения и связанные с ними дискуссии относительно понятий действия, агентности и текучести во-многом являются вопросом избрания оптики. С одной стороны, она может зависеть от диспозитива предметной области, с другой — от исследователя (и в указанном ранее смысле — его диспозитива, который, в свою очередь, может складываться из профессиональной идентичности, цели исследования, социокультурных рамок и проч.). Такие конструкции, как диспозитив и обусловленные им феномены могут служить точкой входа в онтологическую проблематику в качестве знаменателя, ядром которой в нашем случае полагается событие (Ereignis) в его онтологическом истолковании [Романенко Ю.М., Лебедев С.П., 2015].

В данной работе мы ограничимся лишь общей характеристикой онтологического смысла события, существенной для прояснения статуса действующего лица в данной концепции. Более полную концептуализацию можно найти в работах [Дурнев А.Д., 2021; Косыхин В.Г., 2015; Магун А., 2015]. Основные характеристики события, ключевые для данной работы: бытийная проявленность, темпоральная и топологическая неопределенность, субъект конституируется событием.

Говоря о событии, следует учитывать, что данный концепт основывается на тезисе Хайдеггера об онтологической дифференции — различении бытийного порядка (собственно онтологического) и порядка сущего (онтиче-

ского) [Паткуль А.Б., 2020, с. 95–97]. Бытийная проявленность события маркирует последнее как раскрытие истины в онтологическом истолковании. В методологическом смысле это означает: неверным является определение события в качестве результата стечения обстоятельств (того, к чему выше мы вслед за некоторыми исследователями относились как к диспозитиву). Само стечение обстоятельств являет собой событие. В некотором смысле событие может быть истолковано как данность или дар [Чернавин Г.И., 2013, с. 73]. Такой подход отодвигает на второй план (если угодно — в онтическую сферу) попытки установить причинно-следственные связи события с другими обстоятельствами, вещами, агентами. Данная стратегия возможна и весьма распространена в более предметных, нежели философские изыскания, исследованиях. Более того, она имеет большой практический смысл. Однако она уводит в сторону построения того, что Хайдеггер назвал бы «научной картиной мира» [Хайдеггер М., 1993, с. 45–46, 49], рискуя эксплуатировать готовые мифологемы относительно природы вещей. Также, само событие в таком случае будет принадлежать уже онтическому порядку и пониматься как *Vorkommnis* или *Geschehen* («случай», «происшествие») [Хайдеггер М., 1993, с. 268]. Ereignis же в онтогносеологическом смысле подразумевает беспредпосылочность в том смысле, что на этом уровне невозможно установление каузальных связей.

В силу указанного выше, событие носит неопределенный характер. Хотя эффект в онтической сфере может быть феноменально наблюдаем или даже очевиден, в онтологическом смысле можно попытаться истолковать событие как временение, однако же сами временные и пространственные границы при онтологическом анализе оказываются размытыми. В практическом смысле событием может оказаться любой случай, события накладываются друг на друга, их определение в качестве таковых — вопрос оптики, подхода. Они оказываются переплетены с повседневностью, или же, более радикально: повседневность соткана из событий вне зависимости от того, воспринимаем мы их или нет. В предельно космологическом смысле события вложены в единое событие мира [Бибихин В.В., 2015, с. 174].

Третий пункт оказывается неразрывно связан с предыдущими, но также чрезвычайно важен для темы данной статьи. Субъект, который можно было бы помыслить в событии, оказывается конституирован самим событием. Строго выражаясь, не вполне верно говорить о субъекте события, поскольку сама концепция Ereignis является попыткой, как выражается Бадью, «завершить» метафизику и деконструировать классическое понятие субъекта [Бадью А., 2012, с. 21–22]. Данная задача находит попытку реализации во всем творчестве Хайдеггера, начиная с его проекта экзистенциальной аналитики *Dasein* периода написания «Бытия и времени» [Волков В.В., Хархордин О.В., 2008, с. 53–54]. Французский феноменолог Клод Романо утверждает, что событие не отличить от факта или случая, если продолжать использовать концепцию субъекта. Вместо этого он предлагает обозначать «Пришествующим» этого квазисубъекта события [Романо К., 2017, с. 74–76]. Пришествующий — тот, для кого произошедшее является событием, он — тот, кто приходит к обновленному самому себе в ходе событийной авантюры. Таким образом, для Пришествующего в событии ключевой характеристикой является собственная трансформация. С одной стороны, этот ход представляет собой попытку реформатировать понятие субъекта в контексте событийной онтологии. С другой стороны, такой ход оставляет место для квазисубъектной и в некотором смысле метафизичной структуры в концепции события. Однако данный ход все же немаловажен, поскольку он подтверждает обозначенную в начале статьи тенденцию современной философии овнешвить понятие субъекта, переопределить действующее лицо, увязав его не со внутренними трудноизмеримыми структурами (например, сознание, интенциональность), а со внешними элементами — практики, вещи, опыт, институты и проч.

Данный онтологический экскурс может быть интерпретирован как небольшой эскиз деконструкции субъекта через событийную онтологию. Его методологический смысл заключается в том, что из подобного основания исходят многие современные философские течения, переосмысляющие онтологическую и философско-антропологическую проблематику. Среди таковых, например, различные плоские, темные

и объектно-ориентированные онтологии, идеи транс- и постгуманизма. Подобная пересборка является особенно актуальной для междисциплинарных областей, занимающихся проблемами науки, технологий и цифрового.

Заключение

Итак, с онтогносеологической стороны продолжается тенденция критики классических концепций действующего лица (субъекта, агента, актора). В методологическом поле применяются все более сложные подходы в таких областях, как STS, DH, HCI. В феноменальном поле можно наблюдать интенсивный процесс цифровизации. В самом широком смысле его можно интерпретировать как трансформацию, а феномены этой трансформации могут быть рассмотрены как события. Кроме того, многообразие и интенсивность пользовательских практик позволяют говорить, что цифровое достаточно сильно встроено в повседневность современного человека. Если раньше это поле еще могло восприниматься как нечто Иное (в духе Левинаса), «по ту сторону» повседневности, то сейчас последнюю трудно представить без цифрового. Это позволяет сделать вывод, что цифровые технологии обладают не меньшей текучестью, чем зимбабвийский втулочный насос (а потенциально — большей, поскольку сопровождаются процессом мобилизации девайсов и внедрением платформизации).

Например, пользователь при помощи языковых моделей генерирует цифровой объект. Языковая модель позволяет сделать это на основе данных, которые были некоторым образом собраны и размечены. Данные могли включать иные цифровые объекты, некоторые из которых также созданы при помощи нейросетей. Сама же модель могла быть донастроена пользователем или использоваться как есть. Кроме того, большинство доступных конечному пользователю решений, как правило, представляют собой ансамбль технологий, каждая из которых подразумевает разработчиков и датасет, на котором обучалась модель. Данная сеть многообразных элементов, отношений и смыслов может задействоваться человеком на каждодневной основе, если, скажем, используется для работы. В свете этого существует множество споров касательно проблемы субъектности и авторства в подобных примерах использования

нейросетей. Также следует отметить, что как многие исследователи, так и разработчики заявляют о невозможности предсказания результата использования нейросети. Все это купирует человеческую субъектность или агентность в ее традиционном смысле. Человек в данном случае начинает напоминать актора-героя из статьи де Лаэт и Мол, отказывающегося от части своей агентности. Человеческие индивиды (такие как создатели и пользователи) реализуют меньший контроль над смысловыми процессами и отходят на второй план, оттеняясь актом творения, самим событием. В силу означенного, может быть более подходящим мыслить действующее лицо в цифровую эпоху как некоторый смысловой гибрид, несводимый к идентичности одного из элементов, составляющих цифровое событие. Если не соблюсти последнее условие, это может привести к субстантивации выбранного элемента.

Действующее лицо в цифровую эпоху каждый раз являет себя по-разному, оно определяется контекстом или полем, включающем переплетение нескольких элементов, которые могут иметь различную природу (например, человеческую, техническую, вещественную и другие). Но ни само событие, ни действующее лицо не может полностью быть сведено к одному лишь знаменателю. В гносеологическом смысле такой подход является продолжением идей Хатчинса о распределенном познании [Шиповалова Л.В., 2019]. Техника — овеществленная рациональность, она дополняет человека в его практической деятельности. Если же говорить о самых современных технологиях (включая нейросети), то они порождают большую автономность смыслов, менее зависящую как от вещественной, так и человеческой составляющей.

Данная работа иллюстрирует синтез лишь некоторых философских оснований и предметных областей, позволяющих говорить о гибридизации действующего лица в цифровую эпоху. Предвидя возможную критику, следует заметить, что Хайдеггер указывает, что «сущность техники вовсе не есть что-то техническое» [Хайдеггер М., 1993, с. 221], но способ раскрытия непотаенности. Подобное привлечение концепций, основанных на событийной онтологии, к предметному полю цифрового способно при дальнейшей разработке концептуально восполнить разрывы между онтологией, этикой и эсте-

тикой, которые возникли в ходе последних веков с появлением новых вызовов и переплетением причудливых практик человеческого бытия.

Список литературы

Агамбен Д. Нагота / пер. с ит. М. Лепиловой. М.: Грюндриссе, 2014. 204 с.

Бадью А. Манифест философии / сост., пер. с фр. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 190 с.

Бибихин В.В. Пора (время–бытие). СПб.: Владимир Даль, 2015. 367 с.

Бухановский А.В. Национальный центр когнитивных разработок (центр компетенций НТИ): искусственный интеллект на службе профессиональной деятельности // Инновации. 2019. № 11(253). С. 105–111.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Дурнев А.Д. Феноменология и герменевтика как способы концептуализации события в онтологии // Общество: философия, история, культура. 2021. № 8. С. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>

Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория как методологический проект // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 43–50.

Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейя, 2007. 736 с.

Косыхин В.Г. Полнос события: Бибихин и феноменология // Stasis. 2015. Т. 3, № 1. С. 378–391.

Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / пер. с англ. М. Маслоковой и др. // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156.

Лэйт М. де, Мол А. Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии / пер. с англ. А. Салина, Е. Быкова // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 171–232.

Магун А. Понятие события в философии Владимира Бибихина // Stasis. 2015. Т. 3, № 1. С. 156–176.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Наука, 1999. 608 с.

Паткуль А.Б. Идея философии как науки о бытии в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. СПб.: Наука, 2020. 810 с.

Романенко Ю.М., Лебедев С.П. Актуальность событийной онтологии // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 10–12.

Романо К. Авантюра времени: Три эссе по феноменологии события / пер. с фр. Р.А. Лошакова. М.: РИПОЛ-классик, 2017. 220 с.

Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Чернавин Г.И. Новая феноменология во Франции: проекты Ж.-Л. Мариона и М. Ришира // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 71–77.

Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высш. религиозно-философская шк., 2001. 460 с.

Шиповалова Л.В. Распределенное познание — аналитика и проблематизация концепта // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2, № 4. С. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

Antomarini B. Translating Rationalism: Leibniz and Cybernetics // Cybernetics for the 21st Century. Vol. 1: Epistemological Reconstruction / ed. by Y. Hui. Hong Kong, CN: Hanart Press, 2024. P. 23–42.

Burgess H.J. New Media in the Academy: Labor and the Production of Knowledge in Scholarly Multimedia // Digital Humanities Quarterly. 2011. Vol. 5, no. 3. URL: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/5/3/000102/000102.html> (accessed: 21.07.2024).

Butlin P., Long R., Elmoznino E., Bengio Y. et al. Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the Science of Consciousness / ArXiv. 2023. URL: <https://arxiv.org/pdf/2308.08708> (accessed: 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2308.08708>

Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby out with the Bath School! A reply to Collins and Yearley // Science as Practice and Culture / ed. by A. Pickering. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1992. P. 343–358.

Dignum V., Dignum F. Agents are Dead. Long Live Agents! // AAMAS '20: Proceedings of the 19th International Conference on Autonomous Agents and Multi Agent Systems (Auckland, NZ, May 9–13, 2020). Richland, SC: IFAAMS, 2020. P. 1701–1705.

Floridi L. AI as Agency Without Intelligence: on ChatGPT, Large Language Models, and Other Generative Models // Philosophy & Technology. 2023. Vol. 36, iss. 1. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-023-00621-y> (accessed:

21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00621-y>

Giddens A. *New Rules of Sociological Method*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 1993. 196 p.

Gomart E., Hennion A. *A Sociology of Attachment: Music Amateurs, Drug Users // Actor Network Theory and After* / ed. by J. Law, J. Hassard. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 1999. P. 220–247.

Müller V.C. *Philosophy of AI: A structured overview // Cambridge handbook on the law, ethics and policy of Artificial Intelligence* / ed. by N.A. Smuha. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2024. P. 1–25.

Vnutschikh A.Yu., Komarov S.V. *Lebenswelt, digital phenomenology and modification of human intelligence // Technology and Language*. 2024. Vol. 5, iss. 2. P. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06>

References

Agamben, G. (2014) *Nagota* [Nudities]. Moscow: Grundrisse Publ., 204 p.

Antomarini, B. (2024). *Translating Rationalism: Leibniz and Cybernetics*. Y. Hui (ed.) *Cybernetics for the 21st Century. Vol.1 Epistemological Reconstruction*. Hong Kong, CN: Hanart Press. pp. 23–42.

Badiou, A. (2012). *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. St. Petersburg: Machina Publ., 190 p.

Bibikhin, V.V. (2015). *Pora (vremya–bytie)* [Pore (time–being)]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 367 p.

Bukhanovskiy, A.V. (2019). [National centre of cognitive research: Artificial intelligence serves professional activity]. *Innovatsii* [Innovations]. No. 11(253), pp. 105–111.

Burgess, H.J. (2011). *New media in the academy: Labor and the production of knowledge in scholarly multimedia*. *Digital Humanities Quarterly*. Vol. 5, no. 3. Available at: <http://digitalhumanities.org:8081/dhq/vol/5/3/000102/000102.html> (accessed 21.07.2024).

Butlin, P., Long, R., Elmoznino, E., Bengio, Y. et al. (2023). *Consciousness in Artificial Intelligence: Insights from the science of consciousness*. ArXiv. Available at: <https://arxiv.org/abs/2308.08708v3> (accessed 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2308.08708>

Callon, M. and Latour, B. (1992). *Don't throw the baby out with the bath school! A reply to Collins and Yearley*. A. Pickering (ed.) *Science as practice and*

culture. Chicago, IL: University of Chicago Press, pp. 343–358.

Chernavin, G.I. (2013). [New phenomenology in France: Projects of J.-L. Marion and M. Richir].

Mysl': zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva [The Thought: Journal of St. Petersburg Philosophical Society]. No. 15, pp. 71–77.

Chernyakov, A.G. (2001). *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera* [The ontology of time: Being and time in the philosophies of Aristotle, Husserl and Heidegger]. St. Petersburg: Vysshaya Religiozno-Filosofskaya Shkola Publ., 460 p.

Dignum, V. and Dignum, F. (2020). *Agents are dead. Long live agents! AAMAS '20: Proceedings of the 19th International Conference on Autonomous Agents and Multi Agent Systems (Auckland, NZ, May 9–13, 2020)*. Richland, SC: IFAAMS Publ., pp. 1701–1705.

Durnev, A.D. (2021). [Phenomenology and hermeneutics as ways of conceptualizing the event in ontology]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 8, pp. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2021.8.8>

Erofeeva, M.A. (2015). [Actor-network theory as a methodological project]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. No. 24, pp. 43–50.

Floridi, L. (2023). *AI as agency without Intelligence: on ChatGPT, large language models, and other generative models*. *Philosophy & Technology*. Vol. 36, iss. 1. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-023-00621-y> (accessed 21.07.2024). DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-023-00621-y>

Foucault, M. (1994). *Slova i veschi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. St. Petersburg: A-Cad Publ., 408 p.

Giddens, A. (1993). *New rules of sociological method*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press, 196 p.

Gomart, E. and Hennion, A. (1999). *A sociology of attachment: Music amateurs, drug users*. J. Law, J. Hassard (eds.) *Actor network theory and after*. Oxford, UK: Blackwell Publ., pp. 220–247.

Heidegger, M. (1993). *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 447 p.

Komarov, S.V. (2007). *Metafizika i fenomenologiya sub'ektivnosti: Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noy ontologii soznaniya* [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: Historical prole-

gomena to the fundamental ontology of consciousness]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 736 p.

Kosykhin, V.G. (2015). [The pole of event: Bibikhin and phenomenology]. *Stasis*. Vol. 3, no. 1, pp. 378–391.

Laet, A. de and Mol, A. (2017). [The Zimbabwe bush pump: Mechanics of a fluid technology]. *Logos*. Vol. 27, no. 2, pp. 171–232.

Latour, B. (2017). [Visualisation and cognition: Drawing things together]. *Logos*. Vol. 27, no. 2, pp. 95–156.

Magun, A. (2015). [The concept of event in the philosophy of Vladimir Bibikhin]. *Stasis*. Vol. 3, no. 1, pp. 156–176.

Merleau-Ponty, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. St. Petersburg: Nauka Publ., 608 p.

Müller, V.C. (2024). Philosophy of AI: A structured overview. N.A. Smuha (ed.). *Cambridge handbook on the law, ethics and policy of Artificial Intelligence*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 1–25.

Patkul, A.B. (2020). *Ideya filosofii kak nauki o bytii v fundamental'noy ontologii Martina Khaydeggera* [The idea of philosophy as a science about being

in Martin Heidegger's fundamental ontology]. St. Petersburg: Nauka Publ., 810 p.

Romanenko, Yu.M. and Lebedev, S.P. (2015). [The relevance of the event ontology]. *Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 6, pp. 10–12.

Romano, K. (2017). *Avantyura vremeni: Tri esse po fenomenologii sobytiya* [The temporal adventure: Three essays on events phenomenology]. Moscow: RIPOL-klassik Publ., 220 p.

Shipovalova, L.V. (2019). [Distributed cognition — the analysis and problematisation of the concept]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher's Lab]. Vol. 2, no. 4, pp. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.5840/dspl20192460>

Vnutsikh, A.Yu., Komarov, S.V. (2024). Lebenswelt, digital phenomenology and modification of human intelligence. *Technology and Language*. Vol. 5, iss. 2, pp. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06>

Volkov, V.V. and Kharkhordin, O.V. (2008). *Teoriya praktik* [Theory of practices]. Saint Petersburg: European University Publ., 298 p.

Об авторе

Дурнев Алексей Дмитриевич

магистр философии,
преподаватель Международного центра
цифровых гуманитарных исследований,
Институт международного развития и партнерства

Национальный исследовательский
университет ИТМО,
197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49,
лит. А;
e-mail: a.durnev.ph@gmail.com
ResearcherID: ACA-7589-2022

About the author

Aleksei D. Durnev

Master of Philosophy,
Lecturer of the International Digital Humanities Center,
Institute of International Development and Partnership

ITMO University,
49A, Kronverksky av., Saint Petersburg,
197101, Russia;
e-mail: a.durnev.ph@gmail.com
ResearcherID: ACA-7589-2022